
Философско-методологические проблемы

ПСИХИКА И ПРЕОДОЛЕНИЕ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Б.С. АЛИШЕВ



Алишев Булат Саямович — декан факультета психологии Казанского государственного университета, доктор психологических наук, профессор. Лауреат Премии Правительства Российской Федерации в области образования (2007).

Область научных интересов — психология социального познания, кросс-культурная психология, социальная психология личности.

Автор 125 печатных работ, в т. ч. 2-х монографий: «Социально-психологические особенности сплочения педагогического коллектива среднего ПТУ» (1991, в соавтор.) и «Психология формирования демократической культуры студентов ССУЗ» (2001).

Контакты: Bulat.Alishev@gmail.com

Резюме

В статье рассматривается взаимодействие в системе «субъект — объект». Показано, что оно происходит в условиях большей или меньшей, но постоянно присутствующей неопределенности, которая должна преодолеваться, т. к. иначе становится невозможным само существование субъекта. Психика и сознание трактуются как эволюционно складывающиеся механизмы («инструменты») преодоления неопределенности. Рассматривается в общем виде с психологических позиций сам процесс ее преодоления. Обосновывается, что обладающий сознанием человек сталкивается с неопределенностью не только внешнего, объективного мира, но и своего внутреннего, субъективного, которая тоже преодолевается благодаря формированию личности.

Ключевые слова: *субъект, объект, взаимодействие, обмен, неопределенность, преодоление неопределенности, психика, сознание, личность*

Данная работа обязана своим появлением одному высказыванию, принадлежащему М. Шелеру: «Основ-

ное заблуждение, из которого возникает «классическая» теория человека, глубоко принципиально и связано с

образом мира в целом: оно состоит в предположении, что этот мир, в котором мы живем, изначально и постоянно упорядочен» (Шелер, 1994, с. 170). Заблуждение, о котором говорил немецкий философ, до сих пор не преодолено в науках о человеке. Поэтому далее я постараюсь показать, что неупорядоченность и неопределенность окружающего мира обуславливает само существование психики, а также ее функции. Поскольку ни одно живое существо не способно жить в условиях перманентной неопределенности, вторую свою задачу я вижу в том, чтобы рассмотреть, как она преодолевается. Наконец, обладающий сознанием человек сталкивается с неопределенностью не только внешнего, так называемого объективного мира, но и своего внутреннего, субъективного, и эта неопределенность тоже должна каким-то образом преодолеваться. Все эти проблемы мне придется проанализировать лишь в общих чертах, оставляя за рамками статьи многие важные и интересные вопросы, для обсуждения которых требуется намного больше места.

Взаимодействие и обмен в системе «субъект — объект»

Психологическая наука, как и любая другая, существует благодаря тому, что в сознании человека разведены представления об *объекте* и *субъекте* и соответствующие им понятия. Такое противопоставление начало складываться, по-видимому, еще в глубокой древности (возможно, сотни тысяч лет назад), медленно развивалось, становясь все более отчетливым, но стало типичным для

человека более позднего времени. В сущности, способность к нему является одной из важнейших, если вообще не основной, характеристик того, что мы сейчас называем сознанием.

Оно является несколько искусственным, если иметь в виду нерасторжимую связь того и другого, что отмечали многие (например: Зиммель, 1996, с. 95; Ясперс, 1994, с. 423–432 и др.). А.В. Брушлинский по этому поводу писал следующее: «Внутри бытия субъект и объект — это всегда единая нераздельная система, они соотносительны и не существуют друг без друга» (Брушлинский, 1991, с. 3). Можно также вспомнить, что во многих теориях (З. Фрейд и его последователи, Г. Мюррей, А. Маслоу и др.) личность рассматривается в качестве целостности, в которой синтезируется субъективное, внутреннее и объективное, внешнее. В частности, согласно мнению К. Левина, личность есть некое «поле», образованное множеством субъект-объектных связей, постоянно меняющихся, но сохраняющих более или менее стабильное ядро. Вот что он пишет по этому поводу: «Чтобы понять или предсказать поведение, нужно рассматривать человека и среду как одну констелляцию взаимозависимых факторов» (Левин, 2006, с. 264).

Субъект и объект действительно образуют единую систему, но указанная оппозиция давно сформировалась в сознании человека. Каждый воспринимает и мыслит себя отдельным от всего окружающего. Даже ученый, профессионально занимающийся проблемами отношений человека с миром и в процессе интеллектуальных занятий обнаруживающий

нерасчленимость объекта и субъекта, в своей бытовой жизни не может избежать этого противопоставления. Большинству же современных людей оно кажется совершенно естественным. Возможно, оно является одной из самых больших иллюзий сознания (самосознания), но от него никуда не деться, и оно нашло отражение в философской и психологической традиции. В качестве примера я сошлюсь на Т. Адорно, который указывал: «Оба понятия (субъект и объект) возникающие [динамичные], рефлексивные категории; это формулы того, что никогда не должно стать единым, соединиться;...эти категории являются отрицательными, негативными, выражают исключительно и единственно нетождественность, нетождество» (Адорно, 2003, с. 159–160)¹.

Если задуматься, без такого разделения (уже не в сознании, а объективно существующего) оказывается невозможной не только наука психология, но и сама психика. Если бы субъект и объект были действительно тождественны друг другу, никакой необходимости в психике не было бы, как не было бы ее и в том случае, если бы они существовали отдельно друг от друга. Необходимость в ней возникает лишь потому, что субъект отделен от объекта, но находится с ним в постоянном взаимодействии. Доказательством является то, что даже простейшие существа «заботятся» о самосохранении,

«стремятся» быть отдельными сущностями, противостоящими окружающей их среде, но «не желают» слиться с ней и превратиться в ее равноправную частицу. Психика же во всех своих формах, от самых элементарных до наиболее сложных, с одной стороны, обеспечивает такое «отделение», с другой, — обеспечивает связь живого организма с окружающим миром. Таким образом, существование психики обусловлено различием между живым и неживым или же само обуславливает это различие. Невозможно представить жизнь вне элементарной психической (протопсихической) реакции, и также невозможно представить психику, отдельную от какой бы то ни было формы жизни.

Конечно, пока я говорю не о человеке, а обо всем живом, использование понятия «субъект» выглядит несколько странным: оно привычно ассоциируется с активно действующим носителем индивидуального или группового сознания. Но не будем забывать следующее: наличие у человека сознания всего лишь позволяет ему понимать свое противостояние всему остальному миру. Другие живые существа таким пониманием не обладают, однако вряд ли это обстоятельство принципиально меняет суть дела. Человек тоже осознает далеко не все. Поэтому независимо от того, понимается (осознается) отдельность «себя» от окружающей среды или нет, любой живой организм отде-

¹ Не лишним будет напомнить, что взаимодействие Я, Оно и объекта занимает одно из центральных мест в теории З. Фрейда. В частности, он рассматривал привязанность субъекта к объекту, его идентификацию с ним, его отказ от объекта и т.д., причем под объектами он подразумевал и других по отношению к данному человеку людей (Фрейд, 2002, с. 852-856).

лен от нее, хотя бы границами своего тела, внутри которого совершаются процессы, принципиально отличающиеся от тех, что имеют место «снаружи». Различие между живым и сознательным, безусловно, носит существенный характер, но оно менее существенно, чем различие между живым и неживым хотя бы потому, что сознательное — тоже живое.

Жизнь как биологическое явление и, следовательно, психика развиваются по определенным законам на протяжении многих сотен миллионов лет. Некоторые из них настолько фундаментальны, что оказываются общими для всех существ, включая человека. Поэтому для анализа ряда методологических проблем психологии возникает необходимость в понятии высокого уровня абстрактности и отвлеченности, которое позволяло бы обозначить и человека, и животное. Общефилософские понятия в этом плане удобны в силу своей меньшей конкретности, что позволяет применять их в различных операционально-ситуативных трактовках, если не совершенно безнаказанно, то в расчете на некоторые смягчающие «вину» обстоятельства.

Исходя из сказанного, я определяю в качестве субъекта абстрактное живое существо, обладающее психикой. Весь остальной мир (включая других субъектов, различные физические тела, явления, процессы, их свойства и сочетания, разнообразные взаимосвязи и соотношения между ними, этические, эстетические и логические категории, культурные символы, научные знания, и т. д.) будет выступать для него в качестве многочисленных объектов, или разного уровня сложности комплексных объ-

ектов. Комплексными объектами являются, например, сложное техническое сооружение, природная или природно-техническая микросреда текущего взаимодействия, социокультурная ситуация взаимодействия и т. д., а комплексным объектом самого высокого уровня является мир в целом. Все это будет называться впредь просто объектом, если не потребуются специальные уточнения. Тот факт, что и сам субъект (человек), например, в своей телесной организации становится объектом для его самосознания, в данной работе рассматриваться не будет так же, как проблема коллективного субъекта.

Теперь, разведя указанные понятия и стоящие за ними феномены, я вернусь к вопросу о связи между ними. Очевидно, что субъект и объект (в самом общем понимании и того и другого) находятся в непрерывном *взаимодействии* друг с другом. Это понятие также является одной из самых широких общенаучных категорий, и я не даю ему никакого определения, так как это можно сделать, только используя другие понятия такого же уровня обобщенности, которые сами нуждаются в определении.

Приступая к анализу взаимодействия в системе «субъект — объект», сразу замечу: субъект взаимодействует с различными элементами природной и социальной среды не потому, что очень хочет, а потому, что вынужден это делать. Да и само желание является психической формой выражения необходимости: в форме субъективно испытываемого желания она «сообщает о себе» субъекту. В субъективном мире человека она индивидуализируется и приобретает разные облики. Необходимостью

становятся пища и присутствие другого, тишина и книга, табак и алкоголь, лень и осознание собственного успеха, а также многое другое. Именно то, чего мы хотим, воспринимается нами как необходимость, и чем сильнее желание, тем труднее от него отказаться. Таким образом, в реальных ситуациях жизни необходимость не является одинаковой для всех, но в то же время, какими бы разными ни были (и ни казались) ее проявления, всегда есть и общая для всех необходимость жить, — следовательно, вступать во взаимодействия.

Нетрудно также показать, что взаимодействие субъекта с объектом не только необходимо, но и неизбежно. Причина проста: ни одно живое существо не имеет собственных источников энергии. Оно не может существовать на основе принципа самодостаточности и вынуждено искать источники энергии в окружающей среде, но и «отдать» выработанную энергию за исключением той, которая нужна для его собственного (внутреннего) функционирования, оно может тоже только ей. Более того, эта энергия нужна ему для того, чтобы вступать в последующие взаимодействия с окружающей средой и тем самым гарантировать длительность своего существования.

Отсюда вытекает, что в основе самого взаимодействия лежит необходимость и неизбежность *обмена* между субъектом и объектом, в котором происходит потребление, преобразование и расходование преобразованной энергии. Обмен возможен либо между частями одной и той же системы, либо между разными системами. В последнем случае системы оказываются взаимосвязанными и

связь тем сильнее, чем более интенсивен обмен между ними. Очевидная необходимость и неизбежность обмена и взаимодействия между субъектом и объектом как раз и устанавливает прочную и нерасторжимую их связь между собой.

Понятие взаимодействия, с моей точки зрения, несет большую эвристическую «нагрузку», чем широко используемое в отечественных социальных науках понятие деятельности. Деятельностный подход, основы которого были заложены С.Л. Рубинштейном и А.Н. Леонтьевым (Рубинштейн, 1973; Леонтьев, 1981), получил разностороннюю разработку в советской психологии. Он является одним из ее важнейших методологических достижений и позволил добиться важных научных результатов. Вместе с тем деятельностный подход (впрочем, как и любой другой) предполагает некоторое сужение методологического поля для теоретических построений и интерпретаций. В данном случае такое сужение связано с сущностью самой деятельности. Она привязана к субъекту и должна трактоваться именно как его деятельность. Ее можно рассматривать, как это делают социологи (Парсонс, 2000, Щедровицкий, 1995 и др.), в качестве безличного, социокультурно обусловленного процесса, подчиненного своим внутренним закономерностям и осуществляемого по выработанным правилам (практики), но тогда она оказывается «принадлежностью» коллективного субъекта. Такое ее понимание неизбежно, хотя бы уже потому, что вообще бессубъектной она быть не может и, слово «деятельность» почти автоматически порождает вопрос «Чья?».

Отсюда следует, что понятие деятельности имплицитно допускает существование изолированного субъекта (индивидуального или группового), обладающего самостоятельной, произвольной и спонтанной активностью. Он разворачивает деятельность по собственному усмотрению, хотя и в соответствии с общими для всех субъектов психологическими и социокультурными механизмами. В итоге в системе «субъект — объект» первая сторона оказывается активной, доминирующей, так как именно она является действующей, а вторая сторона трактуется как пассивная и зависимая. Опираясь на понятие деятельности, мы неизбежно делаем решающий акцент на активности субъекта и, казалось бы, обращаем внимание на действительную сущность человека. Но далее останется сделать еще полшага для того, чтобы придти к молчаливому согласию с широко известным тезисом «Человек — царь природы».

С такой исходной позицией многие согласятся, но она является, безусловно, антропоцентрической и страдает односторонностью. Она акцентирует внимание на целенаправленности субъекта, но упускает из вида проблему целесообразности в целостной системе. Ей не хватает объективного взгляда на человека, который не только изменяет мир с помощью своей деятельности, но и просто взаимодействует с ним, не задумываясь ни о каком преобразовании, а приспособляясь, избегая опасности и используя подвораживающиеся возможности. Это столь же человеческий способ поведения и жизнедеятельности, как хорошо осознаваемая и четко спланированная

деятельность, направленная на достижение конкретной и весьма отдаленной во времени от настоящего момента цели. Кроме того, преобразующая активность человека далеко не всегда оказывается разумной и часто наносит вред и ему самому, и окружающей природе. Довольно странное поведение для «царя».

Отмечу, что на взаимодействии различных сил основано и все, что происходит в неживой природе. Эти силы, воплощаясь в разнообразных физико-химических явлениях и процессах, воздействуют на живые существа так же, как и на неживые объекты. Поэтому субъект во многих взаимодействиях оказывается пассивной, т. е. испытывающей воздействие стороной. Если же иметь в виду его способность сопротивляться воздействиям, то в определенном смысле и камень «сопротивляется» ветру. Иными словами, вне взаимодействия нет никаких процессов в физическом и биологическом мире, нет вне его и человеческой деятельности.

Нет в реальности и изолированного (независимого от объекта) субъекта. Даже все человечество в целом им не является. Поэтому понятие деятельности должно было бы считаться научной абстракцией. Всякая деятельность на самом деле является взаимодействием субъекта со средой или различными ее элементами и не может быть не чем другим. В этом взаимодействии субъект так или иначе ограничен параметрами среды, а также собственными возможностями и не может делать все, что ему заблагорассудится, реализовать любые цели. Не может он, например, разбежаться и перепрыгнуть через океан (он может перелететь

его на самолете, но это — не то же самое).

Точно так же психическая, например, мыслительная деятельность происходит по поводу каких-то объектов и является взаимодействием с ними в представлении (в образной или понятийной форме) или репрезентацией их взаимодействия между собой. Так, субъект, планируя свою деятельность, «проигрывает» в уме свои потенциальные взаимодействия с различными объектами, а анализируя научную проблему, он, прежде всего, пытается понять, какие объекты и взаимодействия между ними составляют ее суть. Во внутреннем плане субъект действительно более независим от объекта, но в целом это — иллюзия (даже в воображении он не может полностью быть оторванным от него). Никакая психическая деятельность невозможна, если в ней не присутствуют образы объектов или замещающие их понятия, а если они присутствуют, то это уже взаимодействие.

Итак, я полагаю, что понятие взаимодействия является в методологическом плане более корректным, чем понятие деятельности: оно фиксирует неразрывную связь субъекта и объекта. Сутью же любого акта взаимодействия является обмен, и неважно: знает, задумывается, стремится к этому субъект или нет. Обмен будет осуществляться даже при полной пассивности субъекта точно так же, как происходит обмен и взаимодействие между физическими телами и явлениями в неживой природе. Активность субъекта делает возможным не сам обмен, а лишь его избирательный характер, т. е. она определяет желательные (необходимые) содержание, формы и способы

обмена, а также нежелательные, те, которые должны избегаться. Что касается высшей формы активности субъекта, представленной сознанием, то она обеспечивает не просто избирательность обмена, а его избирательное конструирование. Проще говоря, наличие сознания позволяет не только выбирать то, что нужно, из того, что есть, но делать так, чтобы нужное присутствовало в том, что есть, а ненужное отсутствовало. Некоторые вопросы, связанные с сознанием субъекта, будут еще рассмотрены далее, а пока я сосредоточусь на анализе процесса обмена.

Для того чтобы он состоялся, стороны, участвующие в нем, должны иметь соответствующие возможности, т. е. у них должно быть то, чем они могли бы обмениваться. И действительно, обмен происходит лишь потому, что и субъект, и объект обладают взаимосоответствующими, конгруэнтными параметрами. Субъект обладает потребностями, которые, во-первых, побуждают его к обмену, а во-вторых, дают «знание» о необходимых его формах и содержании, т. е. обеспечивают указанную выше избирательность. Потребности «указывают» субъекту на то, что ему нужно и чего не нужно.

Объект (или объекты), в свою очередь, обладает различными особенностями структуры и строения. Если говорить о материальных объектах, то это — химический и биохимический состав, молекулярная и кристаллическая структура, структурная организация объекта, проявляющаяся в его форме, размерах, цветовой гамме и т. д. В случае с социальными и тем более идеальными объектами все, конечно, обстоит иначе, но и они

обладают структурными характеристиками. Все эти параметры либо изначально присущи объектам либо искусственно создаются в них субъектом и обеспечивают различные по форме и содержанию обмены. Для простоты я называю эти характеристики объектов качествами². В избирательном взаимодействии субъекта с объектами и происходит соединение потребностей первого с теми или иными качествами вторых. В этом и состоит сущность всякого обмена.

Очевидно, что у субъекта нет и не может быть такой потребности, для удовлетворения которой не существовало бы никаких объектов или никаких их качеств. Природа — это саморегулирующаяся система, и в ней возникновение такого рода несогласований исключено. Поэтому резкое изменение качеств окружающих объектов грозит субъекту гибелью. Постепенное же их изменение способствует адаптации потребностей и, соответственно, субъекта. Таким образом, вплоть до определенного этапа эволюции жизни (до появления обладающего сознанием человека) качества целостного объекта строго обуславливали номенклатуру, содержание и способы удовлетворения потребностей. С появлением сознания сложилась возможность для изменения качеств объектов.

Так, у человека появились желания, обусловленные социокультур-

ным развитием, о которых я упоминал выше и которые часто тоже обозначаются как потребности. В частности, Р. Фрэнкин пишет: «В соответствии с современными представлениями потребности трактуются как диспозиции...» (Фрэнкин, 2003, с.40). Если вспомнить, что английское «disposition» переводится как «склонность», «предрасположенность», то перед нами, безусловно, широкое толкование понятия. В качестве другого примера приведу еще одно выражение: «Потребности — это то, что необходимо человеку для того, чтобы он мог существовать как организм, развиваться как личность и быть психически свободным» (Обуховский, 2003, с.13). Но, как уже отмечалось, понятие «необходимость» размыто: каждый может составить большой список того, что ему необходимо, и эти списки будут различаться у разных людей. Правомерность широкого толкования сущности потребностей сомнительна, и далее я буду использовать этот термин в узком смысле (то, что биологически и социобиологически задано). Разумеется, приходится помнить, что в современной науке не существует точной номенклатуры потребностей (а также безусловных рефлексов и инстинктов) даже в узком их понимании. Это отмечалось еще П.В. Симоновым (Симонов, 1987, с. 16), и с тех пор мало что изменилось. Тем не менее, называть

² Субъекту они представляются как свойства. Например, люди рассуждают о съедобности или несъедобности какого-либо вида грибов, однако никакой гриб сам по себе не может быть ни съедобным, ни не съедобным. Поэтому свойство - это атрибут, приписываемый субъектом объекту благодаря наличию у последнего неких качеств, делающих возможным удовлетворение какой-либо потребности первого.

потребностями то, что часто обозначается этим термином в общественных науках (прочитать книгу, посмотреть, купить ту или иную вещь, получить автограф знаменитости и т. д.), я не буду.

Необходимо обратить внимание также на то, что у обмена есть и вторая сторона. Дело в том, что объекты обладают качествами, которые не только не удовлетворяют никаких потребностей субъекта, но, наоборот, создают трудности на пути их удовлетворения (объект сопротивляется субъекту), а также различные угрозы существованию субъекта (биологические противники; геологические, климатические и социальные возмущения; технические конструкции и т. д.). Эти трудности и угрозы нужно непременно избегать или активно противодействовать им, а иначе не сможет быть реализована и первая сторона обмена. Итак, субъекту надо решать две важнейшие задачи: удовлетворение потребностей и избегание угроз, — и только эффективное (или хотя бы удовлетворительное) решение обеих гарантирует ему существование.

Неопределенность в системе «субъект — объект»

Несмотря на тесную взаимосвязь потребностей субъекта, с одной стороны, и качеств объекта — с другой,

их соединение (в том числе избегание субъектом угроз) — не простой процесс. Прямое и непосредственное соединение вообще невозможно. Этому препятствуют два барьера³. Суть первого барьера в том, что отмеченная выше конгруэнтность потребностей субъекта и качеств объекта имеется лишь в принципиальном плане⁴. В каждый конкретный момент времени и в каждой точке пространства ставшая актуальной потребность не встречает необходимое качество объекта, или объект, обладающий необходимым качеством. Необходимые объекты и их качества так же, как ненужные и опасные, рассредоточены среди множества других. Одни из них субъекту надо найти, с другими желательно вовсе не встречаться, а при встрече необходимо противодействовать им. Таким образом, потенциальная конгруэнтность оборачивается почти постоянной неконгруэнтностью в реальном пространственно-временном континууме.

Суть второго барьера состоит в том, что необходимые объекты и их качества, даже будучи совмещены с потребностью субъекта в пространстве и времени, все равно существуют отдельно от него, их ему нужно не просто найти, а «взять», «присвоить». Иначе говоря, всегда имеется некоторое противодействие, сопротивление объекта субъекту: его оказывают

³ Понятие барьера является фундаментальным для многих наук, в том числе для психологии. В том смысле, который важен для психологии, оно было впервые использовано И.-Г.Фихте при разработке им теории деятельности (Фихте, 1995).

⁴ Далее я сосредоточу внимание в основном на процессе соединения потребностей субъекта и качеств объекта, так как полагаю, что в принципиальном плане процесс избегания подчиняется тем же закономерностям.

даже обычные, неодушевленные объекты (камень своей тяжестью, вода — текучестью, вила на море — ценой). Точно так же, впрочем, можно наблюдать и противодействие субъекта объекту, когда и если ему не удастся избежать столкновения с угрозой. Это проявляется, например, в сопротивлении жертвы агрессору, в борьбе человека со стихией и т. д.

Таким образом, обмен и взаимодействие распадаются на два отдельных, хотя и тесно связанных процесса: информационный и энергетический. Казалось бы, в случае с изолированным субъектом, ведущим простое существование (последовательные акты обмена, не накладывающиеся друг на друга во времени), информационный обмен должен предшествовать энергетическому. На самом деле даже в этом элементарном случае мы сталкиваемся с одной из разновидностей вопроса о том, что было раньше: яйцо или курица. Акты энергетического обмена являются условием возможности информационных, а в реальной действительности оба процесса так переплетаются в своей непрерывности, что их становится трудно отделить друг от друга. Важно также, что любые действия субъекта (вербальные и невербальные) сами становятся информацией для других субъектов и для объекта. Иначе говоря, одни и те же процессы обмена и взаимодействия

можно с полным правом рассматривать и под «информационным», и под «энергетическим» углом зрения.

Неразрывная связь информационных и энергетических процессов признается сейчас физиками, биологами, философами, специалистами в области кибернетики и системного анализа. К. Лоренц, например, утверждал: «...двойная цепь положительной обратной связи между процессами получения энергии и информации характерна для всего живого, в том числе и для вирусов...» (Лоренц, 1998, с. 268). Примечательны также слова Ж. Пиаже, который использовал несколько иные термины: «"Поведение" есть особый случай обмена (взаимодействия) между внешним миром и субъектом» (Пиаже, 1981, с. 48). Далее он указывает, что оно «носит функциональный характер»: «Поведение, понимаемое в смысле функциональных обменов,... предполагает существование двух важнейших и теснейшим образом связанных аспектов: энергетического, или аффективного, и структурного, или когнитивного» (там же). Добавлю, что наиболее полным выражением рассматриваемой связи является современная интерпретация второго закона термодинамики, указывающая на то, что энергетические и информационные процессы имеют в своей основе нечто фундаментально общее⁵.

⁵ Я не собираюсь обсуждать физические проблемы, но обращаю внимание на следующее: некоторые закономерности, которые изначально выявлялись в естественных науках и имели ограниченную сферу применения, со временем приобретали все более широкую трактовку, распространяющуюся даже на социальные процессы. Например, понятие энтропии было сначала перенесено из термодинамики в теорию информации (так появилось понятие информационной энтропии, выражающее меру неопределенности сообщения), в 1940-е годы Э. Шредингер

Р.Х. Шакуров отмечает, что разнообразные барьеры являются главной движущей силой развития всего живого, в том числе человека: в последнем случае он подразумевает как биологическое, так и психосоциальное развитие; как филогенез, так и онтогенез. По его мнению, в их основе лежит соотношение между энергией покоя и движением (Шакуров, 2001, с. 12). Соглашаясь с ним в целом, я полагаю, что в субъективном восприятии эта основа выглядит несколько иной. Человеку она представляется как соотношение необходимости, возможности и действительности. В свою очередь, это соотношение, будучи тесно связано с феноменом времени, порождает проблему неопределенности. Перед человеком постоянно существует фундаментальный *барьер неопределенности*, приобретающий разные формы. Две его разновидности я называю барьерами *информационной* и *энергетической неопределенности*. Что касается самого понятия «барьер», то далее оно будет пониматься очень широко: как любое условие, создающее ограничение для осуществления необходимого субъекту обмена.

В современных естественных науках неопределенность объясняется через понятия вероятности и вариации, т. е. предполагается, что она тем выше, чем более равновероятными оказываются различные варианты развития событий. Максимальная неопределенность имеется тогда, когда неограниченное количество

возможных вариантов имеют одинаковую вероятность реализации, а для познающего субъекта неограниченное количество возможных предположений имеет одинаковую вероятность истинности (информационная энтропия). На самом деле, однако, все физические, химические и прочие процессы в мире таковы, что осуществляются в относительно упорядоченных последовательностях, в результате чего возникают более вероятные и менее вероятные (и невероятные) варианты. Благодаря этому у познающего субъекта появляется то, что принято называть информацией. Одно из наиболее известных ее определений — «то, что устраняет неопределенность и измеряется количеством неопределенности, которую оно устраняет» — было дано Р. Эшби, который получил психологическое образование (Эшби, 1959, с. 254). Такие же идеи высказывались другими учеными (Бриллюэн, 1966; Винер, 1958).

Но неопределенность в равной мере связана и с информационными, и с энергетическими процессами. Идеями о создании Богом мира из первичного хаоса пронизаны практически все мировые религии, а во многих философских учениях античности и нового времени неопределенность рассматривалась как неизбежный элемент мироздания. Г.В.Ф. Гегель, например, указывал, что «всякую реальность мы должны брать только как беспредельную, т. е. неопределенную» (Гегель, 1975, с. 169).

показал, что оно имеет большое значение для понимания биологических процессов, а в наши дни ученые все чаще говорят о том, что и социальные процессы нельзя объяснить без обращения к нему.

В течение XX в. проблема неопределенности заняла важное место в конкретных науках. Достаточно вспомнить принцип неопределенности В. Гейзенберга в квантовой механике, а также то место, которое занимает данное понятие в современных естественных науках: в термодинамике, в теории информации, в описании обратимых и необратимых процессов, в частности в теориях синергизма (Пригожин, Стенгерс, 1986; Хакен, 1991). Близкие идеи развивали и некоторыми отечественными учеными (Климонтович, 1997), а Н.Н. Моисеев утверждал, что «мир — хаос, в котором время от времени возникает определенный порядок» (Моисеев, 1988, с. 24), и полагал, что принципы термодинамики распространяются на всякое развитие, в том числе социальное (Моисеев, 1982).

Субъект во всех своих взаимодействиях так или иначе сталкивается с неопределенностью физических и химических параметров окружающего мира и отдельных объектов, с неопределенностью развития социальных, политических и экономических процессов, с неопределенностью исхода каждой ситуации его собственной жизни. Неопределенность существует для него как принципиальная неизвестность будущего, причем не только отдаленного, но и того, ко-

торое наступит через несколько часов и минут; как недостаточность информации или ее чрезмерное разнообразие в текущих ситуациях; как отсутствие у него точных представлений о собственных целях и интересах и т. д. Все это порождает неизбежность возникновения множества альтернатив, вариантов, имеющих разную (и, как правило, тоже неопределенную) вероятность истинности или реализуемости. Это так даже тогда, когда кажется, что выбора нет, что ситуация полностью определена. Зачастую она оказывается определенной только в представлении субъекта, а на самом деле выбор есть всегда и кто-то другой в этой же ситуации способен сделать нечто иное⁶. Поэтому совершенно прав был В. Франкл, когда писал, что человек только может сделать вид, что у него нет свободы выбора (Франкл, 1990, с. 204).

В конечном счете всякая неопределенность обуславливается наличием фундаментального фактора времени, психологическая суть которого заключается в непрерывном превращении неопределенности в относительную определенность. В этом же заключается и конечная «цель» всех актов взаимодействия и обмена. Прошлое, например, является полной определенностью: из множества альтернатив, которые несет с

⁶ В связи с этим можно вспомнить знаменитую притчу о буридановом осле, который умер от голода, находясь перед двумя совершенно одинаковыми охапками сена, потому что не мог выбрать одну из них. В реальности в столь простых ситуациях даже животные делают выбор достаточно быстро под влиянием различных мелких обстоятельств, а человек может сделать его произвольным путем (по принципу «я так хочу»), но в более сложных случаях даже ему бывает очень и очень трудно принять решение при совершенно непредсказуемых последствиях.

собой будущее, в настоящем совершается некое действие, и результатом становится застывшая данность, не поддающаяся изменению. Другое дело, что память человека может искажать факты, порождать сомнения, и прошлое иногда вовсе не кажется столь определенным, каким оно является.

Что касается будущего, то человек его планирует, прогнозирует, ставит близкие и отдаленные цели, разрабатывает программы действий. Сейчас он совершает действия, которые окажут нужное ему влияние на то, что будет завтра. Тем самым он стремится уменьшить неопределенность, таящуюся в будущем, и сделать так, чтобы, когда оно станет настоящим, в нем было как можно больше позитивной для него определенности. Вся история человечества доказывает постоянное стремление людей уменьшить неопределенность своего существования. Всевозможные нормы, обычаи, инструкции, гадания, предсказания, даже логика, иначе говоря, самые разнообразные элементы культуры направлены на решение этой задачи (Лешкевич, 1994, с. 150). Именно ее решение имел в виду и Э. Гидденс, вводя понятие «колонизации будущего» (Гидденс, 1994, с. 109). Суть его идеи в том, что, человек старается расширить границы своего настоящего за счет мысленной экспансии в будущее. Многие люди, а иногда целые общества, цивилизации стремятся все спланировать и предусмотреть надолго вперед. Это хорошо знакомо нам по недавней истории собственной страны.

Не только человек, но и все живое существует в условиях неопределен-

ности. Жизнь (как биологическое явление) совершает витки эволюции и стремится к такому уровню развития, который обеспечивает лучшие возможности для преодоления этой неопределенности. Но преодоление оказывается иллюзорным, потому что происходит переход на новый уровень реальности, на котором неопределенность возникает в иных формах. Возникновение сознания дало человеку огромное преимущество перед животными, но оно же резко расширило для него окружающий мир и перевело проблему неопределенности в качественно иную плоскость. И.И. Шмальгаузен по этому поводу писал: «В процессе эволюции живых организмов прогрессивная их дифференциация сопровождалась непрерывным усложнением взаимоотношений между организмом и средой. Организм вступает в связь со все новыми элементами этой среды. Поэтому среда становится для организма все более сложной» (Шмальгаузен, 1983, с. 175). Именно для человека приобретает особое значение проблема познаваемости или непознаваемости мира. Она актуальна для него не только в целом, но и в применении к каждой текущей ситуации взаимодействия. Человек иногда очень остро осознает и переживает невозможность точного знания о чем-то, а для животного окружающая действительность во многих отношениях носит гораздо более определенный характер.

В науках о человеке проблема неопределенности выходит на передний план чаще всего в двух случаях: в исследованиях процесса принятия решений неопределенность рассматривается в качестве внешнего условия,

характеризующего ситуацию⁷; в исследованиях личности достаточно часто оперируют понятием «толерантность к неопределенности», характеризующим индивидуальные реакции на внешнюю неопределенность.

Проблема принятия решений давно изучается отечественными и зарубежными специалистами, в том числе психологами (см., например: Канеман и др., 2005). В рамках системного анализа (особенно в его приложениях к экономическим проблемам) и так называемой рацииологии создаются математические модели принятия решений в условиях риска и неопределенности, основанные на теории игр, теории нечетких множеств и др. Вряд ли, однако, в методологическом плане справедливо рассматривать неопределенность в ситуациях принятия решений как частный случай. Более точной была бы исходная позиция, заключающаяся в том, что все ситуации жизнедеятельности субъекта, его взаимодействия с внешним миром — ситуации принятия решения, и во всех них присутствует большая или меньшая неопределенность, а частным случаем является определенность (при полной определенности нет альтернатив и выбора).

Что касается толерантности к неопределенности, то ставшая классической в этой области работа, в которой впервые было использовано данное понятие, была опубликована 60 лет назад (Френкель-Брунsvик,

1948) и, с моей точки зрения, до сих пор остается недостаточно оцененной. В значительной мере это объясняется опять-таки тем, что в психологии преобладает достаточно узкое понимание феномена неопределенности и его роли в формировании и функционировании различных элементов психики. Между тем эта проблема носит фундаментальный характер, а толерантность к неопределенности оказывает влияние на формирование целого ряда других психологических характеристик субъекта. В качестве ее разновидностей могут быть названы толерантность к риску, толерантность к стрессу, межэтническая и межкультурная толерантность и др. Понятие «толерантность к диссонансу» (Фестингер, 2000, с. 302–308) тоже относится к данному ряду, так как рассогласование элементов в системе индивидуального знания, безусловно, порождает у субъекта состояние внутренней неопределенности.

Существуют противоречивые мнения о реакции живых существ, включая человека на неопределенность. А. Маслоу, например, считал, что «всех психологически здоровых людей объединяет одна общая особенность: всех их влечет навстречу хаосу, к таинственному, непознанному, необъясненному» (Маслоу, 1999, с. 92). Однако вряд ли все так однозначно. Сам же А. Маслоу и в той же работе чуть ранее писал прямо противоположное: «...среднестатистический

⁷ Частным случаем является проблема принятия решений в условиях риска. Что касается различия между неопределенностью и риском, то начиная с 1920-х годов разделяют поддающуюся и не поддающуюся измерению неопределенность, первую из которых и принято называть термином «риск» (Найт, 2003).

взрослый представитель нашей культуры стремится к тому, чтобы жить в безопасном, стабильном, организованном, предсказуемом мире, в мире, где... исключены опасные неожиданности, беспорядок и хаос...» (там же, с. 84). Такое же мнение высказывает другой известный автор: «...человеку свойственно находиться в упорядоченном мире...» (Ортега-и-Гассет, 2000, с. 532). Если это и так, то подобное стремление должно формироваться у него по мере взросления, потому что обычные наблюдения за детьми способны убедить нас в обратном. Как бы то ни было, надо полагать, что людям свойственны обе тенденции: и к неопределенности, и к определенности⁸. Конечно, в последнем случае человека, как и любое другое живое существо, больше интересует положительная для него определенность, но нередко бывает и так, что он предпочитает негативную определенность, нежели сохраняющуюся неопределенность.

Преодоление неопределенности

Одним из важнейших следствий неопределенности мира является то, что любой психический и сознательный акт так или иначе направлен на ее преодоление. Иначе говоря, человек (и любая форма жизни) стремится к определенности, к преодолению энтропии. По-другому быть не может, потому что «другое» — хаос и... смерть. Однако сказанное нельзя понимать так, что субъект постоянно

но совершает волевое усилие. Преодоление неопределенности нельзя свести к преодолению препятствий, а наличие или отсутствие волевой регуляции не меняет сути дела. Любое животное, не обладающее, как таковой (осознанной), волей тоже непрерывно взаимодействует со средой и непрерывно преодолевает неопределенность в таких формах, которые характерны для его уровня эволюции. Что касается человека, то он может не предпринимать никаких специальных усилий в отдельно взятой ситуации — само течение времени и независимое от него развитие событий внесут в нее ту или иную определенность. Другое дело, насколько и как долго достигнутая таким образом она будет удовлетворять его.

Стоящая перед субъектом задача преодоления неопределенности столь же фундаментальна, как и сам барьер неопределенности. Она существует как непреложная и инвариантная данность; не решая ее, субъект не в состоянии обеспечить свое бытие. Фундаментальность ее заключается также в том, что она не может быть решена однажды и навсегда. Она в каждый момент времени воспроизводится, и субъект вынужден решать ее непрерывно в условиях постоянного изменения номенклатуры и свойств окружающих объектов. Неопределенность, существующая в принципе и в каждый данный момент времени, а также необходимость ее преодоления обуславливают возникновение соответствующих психологических

⁸ В ряде зарубежных исследований, выполненных в 1960–1980-е годы, было показано, что толерантность к неопределенности является одним из важнейших психологических параметров, по которым отличаются друг от друга различные культуры (см., например: Хофстеде, 1994).

механизмов. В частности, разнообразные переходы между неопределенностью, положительной определенностью и негативной определенностью являются, по всей видимости, той базой, на которой сформировались различные эмоции, а высокая степень неопределенности является, как известно, одним из основных источников стресса. У человека в ходе эволюции появляются и развиваются такие психологические процессы, обслуживающие его взаимодействие с окружающим миром, как интерпретация и вера (см.: Алишев, 2007), атрибуция и рефлексия, антиципация и целеполагание, а также другие. В онтогенезе формируются их индивидуальные характеристики. Если бы не неопределенность, всех их просто не было бы, впрочем, как не было бы, по всей видимости, познания, психики и самого субъекта. Исходя из сказанного, несложно придти к выводу о том, что существование самой психики обусловлено наличием неопределенности в системе «субъект — объект». А это, в свою очередь, означает, что ее предназначением является преодоление неопределенности. Но отсюда возникает естественный вопрос: как она это делает? Рассмотрим данную проблему в общем виде.

Наличие первого из двух обозначенных мной барьеров неопределенности порождает необходимость *информации*. Субъекту нужна информация об источниках энергии и об источниках угрозы: об их характере, величине и т. д. Он и получает ее благодаря текущим ощущениям,

восприятию, а также памяти. Но очевидно, что сама по себе информация — ничто, если субъекту неизвестно ее значение. Если оно неизвестно, любая информация превращается в «шум». Например, появление тучи на небе будет информацией, но ничего «не скажет» человеку, не знающему, что из нее может пойти дождь, а для человека, не владеющего японским языком, текст, написанный на нем, будет полной абракадаброй. Поэтому субъекту важно не просто получать информацию, а определять ее *значение*.

Наличие второго барьера порождает необходимость *действия*, связанного с затратой или получением энергии (или и с тем, и с другим). В любом случае оно предполагает некоторое усилие со стороны субъекта, которое обеспечивается уже другими психическими процессами (эмоции, воля и др.), но, прежде чем оно будет предпринято, должен быть сделан *выбор*. Проблема выбора есть не что иное, как активно изучаемая в психологии и не только в ней проблема принятия решений, о которой уже говорилось выше. Однако необходимо уточнить, что под выбором я здесь имею в виду не только осознаваемые когнитивные операции. «Выбор» совершает любое живое существо, т. е. любая реакция на ту или иную совокупность информации может быть обозначена этим термином.

Определение значений и выбор действия — важнейшие психические функции, которые тесно связаны между собой⁹. Первая бессмысленна

⁹ Известный французский экономист и нобелевский лауреат писал: «Понятие психологического значения играет... фундаментальную роль в теории выбора в условиях неопределенности» (Алле, 1994, с. 218).

без второй, а вторая, в свою очередь, невозможна без первой. Действительно, хотя достижение информационной определенности — важная и нужная задача, решением ее взаимодействие не заканчивается. Это — лишь условие, создающее возможность действия, а «...действие, в конечном счете, — это переход возможности в действительность, потенции в акт» (Франкл, 1990, с. 114). С другой стороны, определение значения может быть рассмотрено как психическое действие (принятие решения о значении), а любое предметное действие воспринимается другими субъектами и является информацией, значение которой должно быть ими определено. Так можно вывести цепочку «информация — значение — выбор — действие», крайние элементы которой замыкаются друг на друге, а два центральных образуют единство. Вопрос о принципиальном единстве процессов определения значений и выбора действия важен, и я вернусь к нему в конце статьи.

Как же может быть решена задача определения значений и последующего выбора действий? Существует несколько теоретически возможных вариантов. Предположим, что значения узнаются прямо и непосредственно. Но, если бы было так, следовало бы ожидать одного из двух: либо значения содержатся в самих объектах и воспринимаются точно так же, как цвет, размер, плотность, вкус и т. д., либо субъект имеет некую очень большую совокупность готовых моделей нужного, правильного, с которыми сопоставляются образы текущего восприятия. Первая идея — явный абсурд. Вторая же давно реализуется самой природой в двух разных формах.

Одна из них основана на использовании возможностей генетической памяти, в которой содержатся различные образцы. В основе другой лежит прижизненное накопление информации (опыт). По мнению К. Лоренца, между потребностью, содержанием информации и реализуемой последовательностью действий есть жесткая связь, которую он обозначает понятием «врожденный механизм запуска» (Лоренц, 1998, с. 290–292). Далее он заявляет: «Ясно, что у нас имеется обрабатывающий аппарат, который в состоянии записывать поистине невероятное число отдельных «протоколов наблюдений» и сохранять их в течение долгого времени и, сверх того, вести настоящую статистику этих данных» (там же, с. 349). Однако он тут же вынужден признать, что на сознательном уровне такой аппарат функционировать не в состоянии и, ссылаясь на Э. Брунсвика, делает вывод о необходимости различать рациональные и рациоморфные (т. е. похожие на рациональные) процессы. Последние, по его мнению, «...несомненно, не имеют ничего общего с сознательным разумом», а «в способности удерживать отдельные данные рациоморфная функция во много раз превосходит рациональную, но нам не хватает способности произвольно вызывать хранимые ею данные» (там же, с. 350). Как видим, весь процесс определения значений сводится им к «рациоморфному» вытаскиванию субъектом из опыта и памяти каких-то аналогов и образцов.

Но на самом деле объектов, их качеств, вариантов их сочетания столько, что поверить в наличие готовых образцов на все случаи жизни,

которая постоянно «подбрасывает» субъекту такое, чего никогда ранее не было в его практике, невозможно. В связи с этим Г. Хакен использует понятие «параметр порядка» («информатор»), который встроен в систему и сообщает ей, в какое состояние («аттрактор») она должна перейти при поступлении той или иной совокупности информации (Хакен, 1991, с. 49). Далее он пишет, что «параметры порядка» должны заключать в себе «...только наиболее характерные отличительные черты», так как «хранение шаблона потребовало бы весьма большого количества информации» и поэтому «важно найти общие унифицированные идеи и принципы, чтобы справиться со столь огромным количеством информации» (там же, с. 53). Примерно в этом же ключе Р. Гелман пишет об «организующих принципах», содержащихся в психике (Гелман, 1990, с. 4). Отсюда вытекает, что еще одним вариантом определения значений является не сличение получаемой информации с накопленным опытом (памятью), а мыслительный анализ, основанный и на данных опыта, и на сиюминутном восприятии, но в еще большей степени на базовых принципах такого анализа. Таким образом, могут быть выделены три механизма определения значений: а) опирающийся на генетически заданные образцы, б) основанный на запечатленных в индивидуальном опыте образцах и в) мыслительный, базирующийся не на

образцах, а на общих принципах анализа информации¹⁰.

Первый из этих механизмов является наиболее жестким, и чем выше уровень эволюционного развития, тем меньшей становится его роль. Однако даже он должен оставлять возможность для индивидуальных различий в определении значений и выборе действий. Действительно, одинаковая генетическая память у всех живых существ одного и того же вида ведет к тому, что при одинаковой информации, получаемой из внешней среды, они будут одинаково определять ее значение и совершать одинаковые действия. Но в этом случае резко возрастает «цена ошибки», так как одна и та же ошибка будет делаться всеми представителями вида, результатом чего может стать его гибель. Для устранения такой опасности нужно, чтобы единственный и одинаковый для всех вариант действия был всегда эффективным, что как раз и требует «огромного обрабатывающего аппарата» и колоссального по объему хранилища информации. Развитие нервной системы и психики в таком чисто количественном направлении ведет к дурной бесконечности и вряд ли вообще может быть достигнуто физиологическими средствами. Поэтому реальный способ решить данную проблему заключается в увеличении числа степеней свободы и допущении относительного разнообразия реакций живых существ на одинаковые стимулы. Тогда ошибки,

¹⁰ На самом деле во всех трех случаях важнейшую роль в процессе определения значений играют эмоции, но этот аспект проблемы так же, впрочем, как и целый ряд других, я вынужден оставить без внимания.

совершаемые одними особями и индивидами, будут компенсироваться удачными действиями других.

На низших этапах эволюции такое расширение числа степеней свободы достигается благодаря индивидуально-типологическим особенностям нервной системы и психики живых существ одного и того же вида, что и обеспечивает некоторую специфичность их реакций на одни и те же совокупности информации, получаемой в идентичных условиях. Однако возможности этого механизма, как я попытался показать, ограничены. Гораздо больше степеней свободы в определении значений и выборе действий возникает благодаря прижизненному научению и накоплению индивидуального опыта. Наконец, возникновение сознания избавляет психику и нервную систему от развития в чисто количественном направлении, ведущем в тупик. Вместо этого возникает качественно иной психический механизм, который действует медленнее первого, потому что нужно время не просто для сличения и сопоставления различной информации, а для ее тщательного, всестороннего анализа с учетом имеющихся в ней пробелов. Для такого анализа необходима способность к сравнительно длительному «удержанию» образов в некотором временном континууме, включающем и прошлое, и настоящее, и будущее. При этом вероятность ошибок не исчезает и, может

быть, даже не уменьшается, но увеличивается мера разнообразия индивидуальных реакций, и появляются большие возможности для выживания вида¹¹.

Но, как я уже отмечал в начале статьи, сознание основано на «отделении» субъекта от объекта. Если это так, то преодоление неопределенности невозможно, если сам субъект не обладает достаточной внутренней определенностью. Дело в том, что, если субъект отделен от объекта, преодоление неопределенности может носить только субъективный характер и в информационном аспекте оно должно приобретать форму интерпретации. В свою очередь, для того, чтобы интерпретация была не только возможной, но более или менее постоянной для одинаковых условий, субъект должен иметь внутреннюю организацию, обеспечивающую такую устойчивость. Такая организация появляется у него благодаря формированию личности.

Однако онтогенез в многообразной природно-социальной среде даже при условии того, что культура структурирует ее (она создает единый для всех образующих ее субъектов «тезаурус», общие модели и схемы интерпретации различных объектов, в чем и заключается ее важнейшая функция), допускает большое количество вариантов становления внутреннего мира субъекта. Любая сложно диверсифицированная культура слишком велика по

¹¹ По-видимому, эволюция самого сознания рано или поздно создает ситуацию, когда «цена ошибки» вновь становится непомерно высокой, но уже не потому, что эта ошибка воспроизводится всеми субъектами, а потому, что «ошибка» даже одного из них может иметь катастрофические последствия.

объему и создает очень большое число степеней свободы, которые не могут быть реализованы индивидуальным субъектом, так как превышают возможности его сознания. Субъект не может быть всем, чем он мог бы стать (но многие люди, особенно в молодости, фантазируют, представляя себя в самых разных ролевых ипостасях и с разными чертами характера).

Основываясь (бессознательно) на своих склонностях, обусловленных индивидуально-типологическими особенностями нервной системы и психики, субъект в процессе становления и социализации осуществляет (также по преимуществу бессознательно) «примерку» и постепенный отбор различных форм и правил поведения, мнений, убеждений, жизненных принципов. Так, он достигает приемлемой для себя, как с точки зрения содержания, так и меры, внутренней определенности. Это и есть формирование личности. Сложившееся содержание ее внутреннего, ментального мира является результатом постепенного устранения неопределенности, формирования более или менее устойчивого образа мира и образа «я». Некоторые люди в процессе такого ограничения создают для себя жесткую и узкую модель, другие — более разнообразную и гибкую, но, как бы то ни было, личность есть результат сокращения числа степеней свободы¹². Таким

образом, личность можно рассматривать как продукт преодоления психикой и сознанием неопределенности.

Соответственно, разнообразные психологические проблемы могут быть следствием либо того, что формируется слишком жесткая модель личности, либо того, что в ней отсутствует необходимая целостность. И в том, и в другом случае возникает неадекватность в преодолении неопределенности. В первом случае определение значений и выбор действий всегда осуществляются в очень узком диапазоне, не соответствующем реальному многообразию мира. Во втором случае, напротив, не формируется (или разрушается) устойчивость, определение значений и выбор действий приобретают хаотический характер, обусловленный ситуативными импульсами.

В заключение я вернусь к проблеме принципиального единства психологической сущности двух процессов: определения значений и выбора действия. Обсуждение этого вопроса будет вестись в основном на примере обладающего сознанием человека, хотя его итоги могут иметь более широкое значение.

Прежде всего, нужно определить исходные понятия. В некоторых направлениях современной философии, в семантике, семиотике и др. проблема значения рассматривается с сильным смещением в область текста,

¹² Если рассматривать личность как единство генетически заданного и культурно сформированного, то и в этом случае объективная тенденция на уровне индивидуального субъекта заключается в ограничении числа степеней свободы. Обратная тенденция должна иметь место только в рамках видов, популяций, социумов и культур, т.е. на уровне коллективного (группового) субъекта.

слова, знака. Привычной для лингвистических наук является формула: значение соответствует знаку, а смысл — тексту (Ажеж, 2003, с. 204). Несколько иначе все выглядит у Ж. Делеза, у которого значение соответствует сообщению (тексту), а смысл — событию. Он пишет: «...лишенный значения термин тем не менее имеет смысл, а смысл и событие независимы от любых модальностей, влияющих на классы и свойства, — они нейтральны по отношению ко всем этим характеристикам... Все, что имеет смысл, имеет также и значение, но последнее — на иных основаниях, чем смысл» (Делез, 1995, с. 102). Но психологию интересуют в большей степени не языковые (текстовые) значения и смыслы, а те, которые возникают в реальной жизни человека-субъекта, поэтому обратим внимание на принимаемую многими точку зрения Х-Г. Гадамера. Во-первых, согласно ей, разделяются «значимость» и «значение». При этом первый термин приобретает количественный оттенок, а второй — качественный, содержательный. Во-вторых, значение и смысл соотносятся у него фактически как часть и целое; неслучайно он часто использует выражение «смысловое целое» (Гадамер, 1988).

С психологических позиций значение можно определить как *интерпретацию субъектом содержания и меры связи между собой и объектом (комплексом объектов) в конкретном месте и времени*¹³. Смыслами же можно назвать устойчивые значения,

которые не меняются или незначительно меняются при изменении ситуаций взаимодействия и благодаря этому закрепляются в ментальном мире субъекта. Кроме того, будучи устойчивыми, они оказываются универсальными для многих субъектов и поэтому получают поддержку со стороны культуры, становясь ее составной частью. Разумеется, эти понятия являются общенаучными и в разных науках правомерно другое их понимание.

В сознательном плане итогом всего процесса определения значений является формирование отношения-оценки. Термин «отношение» я использую в широком смысле. Под ним подразумевается и непровольная эмоциональная реакция, и чувственное, интуитивное отношение, причины которого человеку полностью неясны, и осознаваемая рациональная оценка. Осознанность в данном случае — не синоним понимания. Четкого понимания значения может и не быть, но то, каково отношение (позитивное, негативное, неопределенное), — это человеком осознается. Впрочем, при многократном взаимодействии с объектом или однотипными объектами значение перестает фиксироваться в форме сиюминутно складывающегося отношения и приобретает форму стереотипа, установки. Особенности этого процесса раскрыты в общеизвестных работах отечественных и зарубежных психологов.

Субъект определяет значения не для того, чтобы понять происходящее,

¹³ В случае с живыми существами, у которых отсутствует сознание, действуют генетически заданные механизмы интерпретации.

а для того, чтобы понять, что ему нужно делать, поскольку всякое познание носит вспомогательный характер, а главная задача всего живого — обеспечить свое существование сейчас и впредь. Отсюда следует, что, преодолевая информационный барьер, субъект выявляет не то, какое значение имеет объект для его настоящего, а то, какое он имеет значение для его будущего. Только в экстремальных случаях его мысли и чувства ограничены настоящим, гораздо чаще они охватывают некоторую временную перспективу. Но даже существо, находящееся в крайнем положении, ищет спасения, потому что и сознательно, и бессознательно ориентировано в будущее и хочет продолжать быть (разумеется, есть исключения). Даже наличие смертельной угрозы может быть зафиксировано в короткие доли секунды лишь потому, что она еще не воплотилась в действительность, т. е. находится в будущем.

Значение определяется для того, чтобы выбрать действие. Что касается действия, то оно должно рассматриваться как универсальный способ взаимодействия. Оно не является только вербальным или моторным актом. Это — психологический феномен, имеющий место даже при полном отсутствии указанных компонентов. Отсутствие предметного действия — точно такое же действие, как и его наличие. Отсутствие действия, как и совершение действия, ведет к возникновению новых ситуаций взаимодействия. Наконец, отсутствие действия точно так же является источником информации (промолчавший человек уже выразил позицию, отношение, оценку событий).

Итак, любые действия становятся источником значений и смыслов (пусть даже это не осознается самим субъектом). Следовательно, значения присутствуют в еще только начатом и незавершенном действии. Внесенное субъектом в действие и устремленное в будущее значение (смысл) становится *мотивом*. Таким образом, мотив — обратная сторона субъективно определяемого значения, а разница между ними — в направлении временного вектора. Для всего того, что уже произошло или происходит, субъект определяет значение (смысл); во все, что делается, он пытается внести его сам и заранее. Не случайно В.Н. Мясищев писал о том, что мотив — выражение отношения личности к объекту действия (Мясищев, 1960, с. 219), а А.Н. Леонтьев назвал то же самое «личностным смыслом» (Леонтьев, 1981, с. 301–302) и отметил, что его можно раскрыть через соответствующий мотив (там же). Сравним еще два высказывания. Первое, по сути, повторяет мысль В.Н. Мясищева: «Мотив — это наличие отношение к деятельности, к миру в целом, стоящее у истоков всей субъективной феноменологии психики» (Сосновский, 1991, с. 62–63). Во втором почти в тех же словах речь идет о смысле: «...личностный смысл предстает перед нами как отношение, связывающее предметное содержание сознания с предметом деятельности, как пристрастное отношение... его сознания к его бытию» (Леонтьев, 1987, с. 28). Очевидно, что отношение, смысл, мотив — одно и то же, взятое под разными углами зрения, а определить значение или смысл — фактически то же самое, что принять

решение и сделать выбор. Принципиальная общность этих психологических процессов позволяет рассматривать их как разновидности одного и того же. Точно так же, по всей видимости, существует принципиальная общность психологической структуры отношения и действия.

С завершением действия заканчивается данное взаимодействие, короткий или, наоборот, длительный, прерывающийся и вновь возобновляющийся цикл обмена с окружающей средой. Параллельно с ним происходят другие, а после его завершения возникают новые, в которых субъект вновь и вновь сталки-

вается с неопределенностью. Избежать ее вообще невозможно (Юнг, 1991, с. 42), потому что всякое ее преодоление создает новую неопределенность. Но иначе жизнь прекращается, так как достижение полной и окончательной определенности означает остановку времени и равнозначно смерти. Жизнь, таким образом, — постоянное столкновение с неопределенностью и столь же постоянное стремление преодолеть ее. Что касается психики, сознания и личности, то, как я попытался показать, они могут трактоваться как созданные эволюцией инструменты преодоления неопределенности.

Литература

- Адорно Т. Негативная диалектика. М.: Научный мир, 2003.
- Ажеж К. Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки. М.: Эдиториал УРСС, 2003.
- Алишев Б.С. Вера как психологический феномен // Современная психология: многообразие научного поиска / Под ред. Р.А. Ахмерова, С.П. Дырина, А.Л. Журавлева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН»; Н. Челны: Изд-во Института управления, 2007. С. 23–37.
- Алле М. Поведение рационального человека в условиях риска: критика постулатов и аксиом американской школы // THESIS. 1994. Т. 2. Вып.5. С. 217–241.
- Бриллоэн Л. Научная неопределенность и информация. М., 1966.
- Брушлинский А.В. Проблема субъекта в психологической науке // Психологический журнал. 1991. Т. 12, №.6. С. 3–11.
- Винер Н. Кибернетика и общество. М., 1958.
- Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988.
- Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. В 3 т. М.: Мысль, 1975. Т. 1.
- Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // THESIS. 1994. Т. 2. Вып. 5. С. 107–134.
- Делез Ж. Логика смысла. М.: Изд. центр Академия, 1995.
- Зиммель Г. Избранное. В 2 т. М.: Юристъ, 1996. Т.2. Созерцание жизни.
- Канеман Д., Словик П., Тверски А. Принятие решений в неопределенности: Правила и предубеждения. Харьков: Изд-во Институт прикладной психологии «Гуманитарный Центр», 2005.
- Климонтович Ю.Л. Открытые системы // Синергетика и психология. Тексты. Вып.1. М.: МГСУ «Союз», 1997. С. 284–299.
- Левин К. Теория поля в социальных науках. СПб.: Сенсор, 2006.

- Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981.
- Леонтьев Д.А.* Структурная организация смысловой сферы личности: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1987.
- Лешкевич Т.Г.* Феномен неопределенности: философско-методологический и культурологический анализ: Дис... докт. филос. наук. Ростов н/Д, 1994.
- Лоренц К.* Обратная сторона зеркала. М.: Республика, 1998.
- Маслоу А.Г.* Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 1999.
- Моисеев Н.Н.* Оправдание единства // Вопросы философии. 1988. № 4. С. 18–30.
- Моисеев Н.Н.* Человек. Среда. Общество: Проблемы формального описания. М.: Наука, 1982.
- Мясищев В.Н.* Личность и неврозы. Л.: Изд-во ЛГУ, 1960.
- Найт Ф.Х.* Риск, неопределенность и прибыль. М.: Дело 2003.
- Обуховский К.* Галактика потребностей. Психология влечений человека. СПб.: Речь, 2003.
- Ортега-и-Гассет Х.* Человек и люди // Х.Ортега-и-Гассет. Избранные труды. М.: Весь мир, 2000. С. 480–698.
- Парсонс Т.* О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2000.
- Пиаже Ж.* Природа интеллекта // Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.В. Петухова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. С. 48–59.
- Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1986.
- Рубинштейн С.Л.* Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973.
- Симонов П.В.* Мотивированный мозг. М.: Наука, 1987.
- Сосновский Б.А.* Мотивационно-смысловые образования в психологической структуре личности: Дис. ... докт. психол. наук, М., 1991.
- Фестингер Л.* Теория когнитивного диссонанса. СПб.: Речь, 2000.
- Фихте И.Г.* Сочинения. М.: Ладомир, 1995.
- Франкл В.* Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.
- Фрейд З.* Я и Оно // З. Фрейд. Я и Оно. М.: Изд-во Эксмо; Харьков: Фолио, 2002. С. 839–860.
- Фрэнкин Р.* Мотивация поведения: биологические, когнитивные и социальные аспекты. СПб.: Питер, 2003.
- Хакен Г.* Информация и самоорганизация: Макроскопический подход к сложным системам. М.: Мир, 1991.
- Шакуров Р.Х.* Барьер как категория и его роль в деятельности // Вопросы психологии. 2001. № 1. С. 3–18.
- Шелер М.* Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994.
- Шмальгаузен И.И.* Пути и закономерности эволюционного процесса. М.: Наука, 1983.
- Щедровицкий Г.П.* Избранные труды. М.: Школа культурной политики, 1995.
- Эшби У.Р.* Введение в кибернетику. М., 1959.
- Юнг К.Г.* Архетип и символ. М., 1991.
- Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М.: Республика, 1994.
- Frenkel-Brunswick E.* Intolerance of ambiguity as an emotional and perceptual personality variable // J. of Personality. 1949. 18. P. 108–143.
- Gelman R.* Structural constraints on cognitive development: Introduction to a special issue of cognitive science // Cognitive Science. 1990. 14. P. 3–10.
- Hofstede G.* Cultures and organizations: Software of the mind. L.: Harper Collins Publishers, 1994.